

вить личности исключительною и высшею цѣлью внутреннее самосовершенствованіе, при которомъ бы объективная дѣятельность не имѣла мѣста или не считалась бы обязательною; она просто предлагаетъ *молодежи*—эту внутреннюю субъективную работу закончивать по возможности до выступления на арену объективной дѣятельности. Дальнѣйшій ходъ нашихъ мыслей, такимъ образомъ, будетъ уже самъ собою логически вытекать изъ этого требованія, чтобы субъективная внутренняя работа *предваряла* всегда дѣятельность объективную, **этическая—эстетическую**: разъ эта предварительная подготовка закончена, индивидуумъ уже не встрѣтитъ помѣхъ субъективнаго свойства въ своей дальнѣйшей (объективной) дѣятельности, и на оборотъ: «захваченный» потребностью этой внутренней работы въ зрѣломъ уже возрастѣ, въ пору разсвѣта своей объективной или эстетической дѣятельности—онъ, поглащенный этою внутреннею работою, естественно, поставитъ задачи ея выше въ своихъ глазахъ сравнительно съ своими прежними, хотя бы и широкими, внѣшними цѣлями, не будетъ уже имѣть ни времени, ни особаго интереса выдвигать ихъ на первый планъ; если же и будетъ еще продолжать дѣлать это, то какъ бы по инерціи лишь, при чемъ,—что особенно любопытно въ этомъ случаѣ, будетъ постоянно смѣшивать двѣ различныя области своей дѣятельности—субъективную и объективную, перенося приемы, воззрѣнія и задачи съ одной—на другую

Но добровольно самоизолированіе общественнаго дѣятеля, въ зрѣломъ возрастѣ, отъ жизни и окружающихъ «съ нравственными цѣлями»,—въ наше время уже не встрѣчаетъ сочувственной себѣ поддержки! Такое исключительное воззрѣніе на *этическую* жизнь могло еще имѣть мѣсто въ древности, у мистиковъ и анахоретовъ, или древней Греціи, гдѣ инди-